

Новые Известия - 2001 - 4 апр.
Одноглазый штурман - с. 7
с парохода современности

Выставка «Здравствуйте, мистер Бурлюк!»
в Центре искусств на Неглинной

Крестьяне с лошадей и курами.

Бурлюк – тот самый, Давид Давидович, один из трех братьев, друг Маяковского и соавтор манифеста «Пощечина общественному вкусу». Выставкой его живописи открывается еще один наряду с регулярными дайджестами экспозиций Русского музея и показами частных собраний цикл выставок Московского центра искусств – «Русские художники в США». Не так давно в Петербурге отшумела выставка «Давид Бурлюк и русский авангард», и некоторые экспонаты с нее перебрались теперь в столицу. Отличительная примета здешнего показа – обилие работ из-за океана: вторую половину жизни автор провел в Америке, заметно подрастеряв в экспансии и скандальности.

Подсчитав как-то свои расходы на издательскую и выставочную деятельность, Давид Давидович скромно заметил: «Весь российский футуризм стоит триста рублей» – и был недалек от истины. Показательно, что соратники крайне осторожно высказывались о живописных и поэтических опусах своего вдохновителя, а противники, чуя здесь ахиллесову пяту, не упускали случая попрекнуть за эклектику и несамостоятельность. Действительно, нынешняя выставка обнаруживает и влияние Михаила Ларионова, пластически куда более одаренного, и перепевы из итальянского футуризма, и не слишком удачные стилизации наива, созданные в Америке. Там же, за океаном, рождались авторские мистификации: на некоторых работах футуристического толка, привезенных нью-йоркской A.B.A. Gallery, даты вроде «1910» проставлены, по единодушному мнению специалистов, тремя-четырьмя десятками лет позже. Обстоятельство само по себе любопытное, по-своему характеризующее личность автора, но требующее непременно комментариев, которые в зале отсутствуют...

Пожалуй, Давид Бурлюк интересен в совокупности своих устремлений, он не столько творец, сколько креативщик, как теперь принято выражаться. Будучи по натуре «широк и жаден» (определение Алексея Крученых), идеолог отечественного авангарда скорее иллюстрировал своими произведениями тезисы манифестов, чем священнодействовал. Возможно, этим и объясняются промахи и провалы, наглядно представленные в американской части наследия: некого было вести за собой, некого эпатировать, некому доказывать правоту. Заокеанской публике имя Бурлюка ничего не говорило в те годы, не говорит и сегодня... Зато небольшой «японский» раздел (выехав из России, Давид Давидович некоторое время жил на островах) получился на удивление полнокровным. Необъяснимый прилив вдохновения?

Другой ряд соображений касается не личности, а всей атмосферы русского авангарда. Правы исследователи: футуризм – не главное; наших бунтарей начала прошлого века сильнее всякой машинерии и наукообразных экспериментов привлекали архаические мотивы и прекраснотушные мечтания о будущем. Выставка подтверждает: Бурлюк был едва ли не единственным в России футуристом, если применять хрестоматийные мерки. Культ железной мощи и сверхчеловечности как-то не прижился на здешней почве, да и сам Бурлюк не обладал волей Филиппо Маринетти, чтобы сплотить соратников в дисциплинированную команду. Остались хлесткие фразы о том, что настоящий футуризм – только в России, да не слишком убедительные картинки. Русский авангард не поддавался идейному контролю со стороны одного человека... Впрочем, выставка не развеивает миф, а лишь делает его ближе и чуть понятнее. На нашем «пароходе современности» Давид Бурлюк плывет уже в качестве пассажира.

Дмитрий Смолев, для «Новых Известий».